

Валентин Яковенко

**Богдан Хмельницкий. Его
жизнь и общественная
деятельность**

Жизнь замечательных людей

Валентин Яковенко

**Богдан Хмельницкий. Его жизнь
и общественная деятельность**

«Public Domain»

Яковенко В. И.

Богдан Хмельницкий. Его жизнь и общественная деятельность / В. И. Яковенко — «Public Domain»,
— (Жизнь замечательных людей)

Эти биографические очерки были изданы около ста лет назад в серии «Жизнь замечательных людей», осуществленной Ф.Ф.Павленковым (1839-1900). Написанные в новом для того времени жанре поэтической хроники и историко-культурного исследования, эти тексты сохраняют ценность и по сей день. Писавшиеся «для простых людей», для российской провинции, сегодня они могут быть рекомендованы отнюдь не только библиофилам, но самой широкой читательской аудитории: и тем, кто совсем не искушен в истории и психологии великих людей, и тем, для кого эти предметы – профессия.

Содержание

Глава I. Перед смертельной схваткой	7
Глава II. Казацкий батько – Богдан Хмельницкий	20
Конец ознакомительного фрагмента.	23

В. И. Яковенко
Богдан Хмельницкий
Его жизнь и общественная
деятельность
Биографический очерк
С портретом Богдана Хмельницкого,
гравированным в Лейпциге Геданом

Глава I. Перед смертельной схваткой

Присоединение Древней Руси к Литве и Польше. – Характерная особенность общественного строя Речи Посполитой. – Экономическое положение крестьянства. – Украина. – Дворянство. – Горожане. – Казачество. – Татары. – Запорожская Сечь. – Посягательство на казацкие привилегии и вольности. – Церковная уния. – Восстания и морские походы. – Косинский. – Наливайко. – Сагайдачный. – Тарас. – Сулима. – Павлюк. – Острянин, Скидан, Гуня

Оживленное некогда Поднепровье долго лежало в запустении после Батыева нашествия. Прошли времена Владимира Красного Солнышка. Прошла слава Олегов и Святославов, достигавших своими дерзновенными руками твердынь самого Царьграда. Прошли жестокие и бесславные времена удельных распрей. Все, даже самую память о былом, смела азиатская дичь, промчавшаяся диким вихрем по русской земле. Русскому человеку, словно застигнутому грозным явлением природы, оставалось одно только: бежать, укрыться. И он бежал: бежал в полесские болота, на север, бежал к карпатскому предгорью, в Червонную Русь. Сюда, в столицу червоннорусских князей Романа и Данила, и переносится на некоторое время центр южнорусской жизни. Но львовским князьям не удалось создать сильного государства. В XIV столетии Червонная Русь присоединена была к Польше, а остальная часть южнорусской области: Подолье, Киевщина, тогдашняя Украина, – вошли в состав Великого княжества Литовского. Правда, это литовское княжество было в действительности русское: здесь господствовали южнорусская образованность и южнорусский язык. И после того, как литовские князья одержали верх над татарской силой и отбросили ее к самым берегам Черного моря, наступала, казалось, новая эра для развития самобытного южнорусского государства. Но к этому времени выросла уже Польша, которую не затопила монгольская волна и которая продолжала развиваться в близком соприкосновении с западноевропейским миром. В 1386 году Польша и Литва соединились под властью литовского князя Ягелло, женившегося на наследнице польской короны Ядвиге. Оба государства сохраняли свою полную самостоятельность: в Литве продолжал княжить старый княжеский род, а Польша избирала себе в короли литовского князя. Личная уния с течением времени переходит в полное государственное объединение, а высшая культура, естественно, дает перевес полякам. В 1476 году уничтожается удельное Киевское княжество; оно превращается в простое воеводство. В 1569 году по Люблинской гражданской унии вся южнорусская область присоединяется непосредственно к Польше, становится провинцией Польши, хотя и на правах равной и свободной страны и с полным сохранением веры, языка, законов, национальности. Но это бумажное равенство и свобода прикрывали совершившееся уже порабощение. Вскоре после Люблинской унии началась столетняя казацко-шляхетская война; она истощила силы обоих народов и привела, в конце концов, старую Польшу к гибели “от моря до моря”.

Характерную особенность Речи Посполитой в это время составляло резкое разделение народа на два класса: своевольствующее шляхетство и порабощенное хлопство. Правда, подобное разделение существовало в те времена повсюду в Европе; но едва ли можно указать другую страну, где бы противоположность между этими двумя общественными классами была так велика, как в старой Польше. И, что любопытно, причиной этому была не столько угнетенность и несправность закрепощенного крестьянства, сколько чрезвычайная полноправность и независимость шляхетства. Крестьяне в Польше, как и везде, представляли тогда просто орудие производства, человеческий инвентарь владельческого поместья; они были порабощены, угнетены и отданы всецело во власть помещиков, как и везде; в этом отношении не было особенно значительного различия между “хлопами” различных стран Европы. Но шляхтич, пан, магнат являлся в Польше не только полновластным господи-

ном, феодалом, маленьким царьком в своих поместьях, но и полновластным, можно сказать, даже своевольным вершителем судеб всей Речи Посполитой. В века господства физической силы всякий действительно сильный человек, достаточно богатый, чтобы собрать около себя силу, достаточно отважный и предприимчивый, может стать вершителем судьбы своего отечества. Всем хорошо известны беспрестанные и кровопролитные распри королей с их якобы подданными феодалами – распри, заполняющие историю средних веков. Но нигде в Европе в ту пору, да и в позднейшие времена, отдельный представитель господствующего класса не пользовался таким безусловным правом решать судьбы своего отечества, как *liberum veto*¹ польского шляхтича, это всеуничтожающее “не позволю”, которым приостанавливалось любое решение сейма. Политическое право, как и политическое бесправие, является всегда выражением существующего соотношения между различными общественными силами; это – форма, получающая свое значение в зависимости от содержания, от материальной и духовной жизни народа. Экономическая же и духовная жизнь польского общества в XVI веке стояла на чрезвычайно низком уровне развития. В экономическом отношении мы видим самое жестокое порабощение трудящегося класса, а в духовном – господство иезуитизма. Естественно, что и *liberum veto*, это, быть может, идеальнейшее из идеальных прав, питаемое, с одной стороны, экономическим, с другой – духовным насилием, превращается само в своего рода насилие – в безграничное своеволие. Нет такой алхимии, говорит Спенсер, при помощи которой из свинцовых инстинктов можно было бы создать золотое поведение. И политическая алхимия даже с ее *liberum veto* не могла выработать из польского шляхетства ничего, кроме своевольных насильников, в крови народной потопивших свою самобытность и самостоятельность.

Liberum veto лежало, так сказать, на самом дне той пропасти, которую польское шляхетство старательно рыло между собою и народом. Даже при полной национальной однородности государственного тела и единой религии такое глубокое разъединение общественных классов не обошлось бы без жестоких внутренних потрясений. Но Польша в XVI веке далеко не представляла единого тела. Русские и после присоединения к Польше продолжали сохранять свою национальность и религию, а они занимали тогда громадные пространства на востоке и юге Речи Посполитой. Правда, верхний слой русского народа стал быстро ополячиваться: он усваивал польскую культуру, переходил в католичество и получал все шляхетские права; но тем крепче простой народ стоял за свою национальность и веру, так как потеря того и другого означала бы бесповоротное обращение в хлопков. Экономические условия играли громадную роль, как в покладистости верхнего слоя, так и в строптивости и неприимности нижнего. Национальная же и религиозная рознь снимала, так сказать, завесу с глаз и развязывала руки на борьбу.

В достатутный период право на землю в Литовском княжестве принадлежало великому князю; поэтому землевладение было одинаково условно для всех частных лиц без исключения и не составляло, собственно, ничьей привилегии; все свободные сословия, а следовательно, и самое многочисленное из них, крестьяне, пользовались в этом отношении одинаковыми правами; все земли были обложены в пользу великого князя повинностями; большинство земледельческого населения сохраняло личную свободу, подчинялось общему суду или пользовалось своим общинным судом. Но со времени установления между Литовским княжеством и Польшей, в Литве и на Руси начинают распространяться польские порядки, и положение крестьян значительно ухудшается. Первым делом из рук великого князя ускользает право собственности на землю; она становится фактически достоянием шляхты; к ней же переходят суд и расправа над крестьянами, превращающимися в

¹ Право наложения единоличного запрета на решение законодательного собрания, практиковавшееся в Польском сейме XVII – XVIII вв.

“подданных” можновластного пана. Так, еще по статуту 1529 года “права крестьян на находящиеся в их владении земли, если не в силу положительного закона, то по обычаю, были более или менее обеспечены и прочны”. Но уже статут 1566 года начинает строго преследовать всякое притязание крестьян на участие в землевладении и гарантирует им только право на движимость. Этот процесс перехода земли в собственность шляхты и превращение свободного крестьянина в польского подданного, а вместе с тем и перехода всей юридической и административной власти в руки той же шляхты совершался быстрее в сопредельных с Польшею областях, в Литве, чем в Поднепровье и в отдаленных южных степях, куда медленно, но неуклонно подвигалась южнорусская колонизация. Поэтому и гнет шляхетского господства давал себя чувствовать гораздо сильнее в Полесье или на Волыни, чем на Украине. Порабощение литовских крестьян один современник сравнивает с татарской неволей и упрекает литовских панов за то, что они мучат, уродуют и убивают без всякого суда своих людей. Каково же вообще было положение крестьянина в Польше, лучше всего видно из свидетельств, оставленных современниками.

“Нет государства, – говорит в своих проповедях иезуит Скарга, – где бы подданные и земледельцы были так угнетены, как у нас, под беспредельною властью шляхты. Разгневанный землянин (владелец) или королевский староста не только отнимает у бедного хлопа все, что у него есть, но и самого убьет, когда захочет и как захочет, и за то ни от кого слова дурного не потерпит”. “Крестьяне в Польше, – говорит другой современник, – мучатся, как в чистилище, в то время, как господа их блаженствуют, как в раю”.

Крестьянин отбывал панщину, отдавал детей своих в дворовую службу, трижды в год доставлял своему владельцу натурою зерно, всякую живность; со всего имущества (быков, лошадей, свиней, овец, меда и плодов) отдавал десятую часть; кроме того, это же имущество было обложено еще всевозможными пошлинами: *очковое* платилось с каждого улья, *рогатое* – с каждого вола, *ставица* – за право ловить рыбу, *опасное* – за право пасти скот, *жолудное* – за право собирать желуди, *сухомельщина* – за помол муки; *дудок* платился при рождении ребенка, *поемщица* – при женитьбе сына или выдаче замуж дочери и так далее. Одним словом, каждый шаг крестьянина был обложен всевозможного рода платежами, деньгами и натурою в пользу пана.

Тем не менее театром казацко-шляхетской борьбы была именно Украина, то есть провинция, наименее сравнительно угнетенная панам, и именно потому, что народ здесь не был еще окончательно задавлен. Кроме того, Украина представляла самую отдаленную провинцию, почти неизвестную полякам; едва ли бы даже они могли указать пограничную линию, где оканчивались владения Польши и начинались кочевья татар. Это был, одним словом, обширнейший аванпост, занятый передовыми колонизационными отрядами южнорусов, возвращавшихся на свои стародавние пепелища, – аванпост, лишенный всяких удобств культурной жизни и где сама жизнь подвергалась беспрестанной опасности. Понятно, что такая страна, какой бы роскошью и богатством природы она ни отличалась, не могла представляться особенно заманчивой для шляхты. Затем Украина стала естественным средоточием всякого беглого и беспокойного люда, не ужившегося со шляхетскими распорядками во внутренних областях Речи Посполитой. Сюда бежал крестьянин от гнета шляхтича, горожанин – от притеснений старосты и воеводы, мелкий шляхтич – от самовольства магната, а в иных случаях даже магнат, подвергнувшийся баниции. Такой народ не мог, конечно, пассивно относиться к посягательствам на свой труд и свою свободу, а посягательства не замедлили проявиться, как только жизнь в этой пограничной области получила некоторую устойчивость. Так, в сеймовом постановлении 1590 года, изданном от имени короля, читаем:

“Государственные сословия обратили наше внимание на то обстоятельство, что ни государство, ни частные лица не извлекают никаких доходов из обширных, лежащих впусе, наших владений на украинском пограничье за Белой Церковью. Дабы тамошние земли не

оставались пустыми и приносили какую-нибудь пользу, мы на основании представленного нам всеми сословиями права будем раздавать эти пустыни по нашему усмотрению в вечное владение лицам шляхетского происхождения за заслуги перед нами и Речью Посполитою”.

И действительно, со времени восстания Богдана Хмельницкого мы встречаем польских магнатов, довольно прочно осевших уже в левобережной Украине и захвативших здесь в свои руки десятки городов и сотни селений. Однако народ уходил на Украину не затем, чтобы спокойно надеть на себя ярмо панщины, когда шляхтичам вздумается прекратить те льготы, которыми они заманивали на поселенье. Здесь на полях свободолюбивой Украины южнорусский народ вступил в кровавую борьбу с польской шляхтой. Кто же становится во главе этой народной борьбы? Кто подымает до ясно осознанной идеи смутные, инстинктивные стремления народа? Кто, наконец, организует борьбу и руководит ею? Южнорусская интеллигенция, лучшие люди своего народа, сохраняющие свою кровную связь с ним? Увы, – где она, эта южнорусская интеллигенция или, по тому времени, аристократия? Родовитых русинов прельстило положение польских магнатов, они потянулись к польской культуре, приняли католичество и совсем порывали связь со своим народом. Да кроме того, эта аристократия в описываемую эпоху вовсе не представляла уже лучших людей своего народа. Вот как отзываются современники о польском и ополячившемся дворянстве того времени~

“Никто не хочет жить трудом, – говорит Старовольский, – всяк норовит захватить чужое; легко достается оно, легко и спускается; всяк только о том думает, чтобы поразмашистее покутить; заработки убогих людей, собранные с их слезами, иногда со шкурой, истребляют они как гарпии или саранча: одна особа съедает в один день столько, сколько множество бедняков заработают в долгое время, все идет в дырявый мешок – брюхо”~ Или вот отзыв московского беглеца Курбского о польской аристократии. “Вельможи, – говорит он, – знают только пить да есть сладко; пьяные они очень храбры: берут и Москву, и Константинополь, и если бы даже на небо забился турок, то и оттуда готовы его снять. А когда лягут на постели между толстыми перинами, то едва к полудню проспят, встанут чуть живы, с головною болью. Вельможи и княжата так робки и истомлены своими женами, что, слышав варварское нахождение, забьются в претвердые города и, вооружившись, надев доспехи, сядут за стол, за кубки и болтают со своими пьяными бабами, из ворот же городских ни на шаг. А если выступят в поход, то идут издалека за врагами и, походивши дня два или три, возвращаются домой и, что бедные жители успели спасти от татар в лесах, какое-нибудь имение или скот, – все поедят и последнее разграбят”.

Таково было польское дворянство еще до восстания Богдана Хмельницкого, и эта характеристика вполне подтверждается многочисленными эпизодами из эпохи самого восстания. Таково было и русское дворянство. Естественно, что оно не только не могло руководить борьбой южнорусского народа, но даже не сочувствовало ей. Некоторые из панов оставались еще православными, и интересы веры не были им совершенно чужды; но лучшие из них были или уже слишком сдержаны, величаво-спокойны, как князь Острожский, или же увертливы и хитроумны, как Адам Кисель. Можно сказать, что русской аристократии, верхнего культурного слоя как отдельного класса вообще уже не существовало в эпоху казацких войн. Поэтому нам и нечего сказать о ее роли в этом деле. Городскому сословию, довольно сплоченному и политически развитому благодаря своему древнему общинному быту, а затем магдебургскому праву, было мало дела до гнета, испытываемого крестьянством, и до всяких счетов между шляхтой и хлопством; а как люди ремесленные, коммерческие, они всегда занимали сторону порядка. Но тут затрагивался еще религиозный вопрос, шла борьба между православием и католицизмом, и в этом отношении горожане оказались не так покладисты, как дворяне. Они крепко стояли за свою веру и организовались в известные братства. О них мы скажем ниже. В политико-экономической же борьбе южнорусского народа они, горожане, как сословие не играли заметной роли.

Итак, народ, в узком смысле слова, был предоставлен собственным своим силам. Однако благодаря различным обстоятельствам у народа этого сложилась своеобразная организация, на которую и пала трудная задача вековой борьбы с сильным и победоносным некогда государством. Во главе народного движения стали казаки, и по мере того, как разгоралась борьба, крестьянство переходило все большими и большими массами в казачество. Были моменты, когда вся восставшая Украина казалась одним казацким станом и подчинялась единому казацкому режиму. Что же представляло собою казачество, как оно возникло?

С того времени, как татары завладели Крымским полуостровом и черноморским побережьем, южные окраины Польского государства, то есть русские области, подвергались беспрепятственным опустошениям. Здесь не было никакой определенной резкой границы. Беспредельная степь, раскинувшаяся во все стороны, сохраняла еще почти всю свою первобытную дикость. Она то волновалась высокой густой травой, в которой легко мог укрыться всадник и которая кишела массой всякой дичи, то превращалась в безжизненную выжженную равнину. Нельзя сказать, чтобы она безмолвствовала, так как тысячи звуков, производимых насекомыми, птицами и т.п., сливались в один шум, но здесь редко раздавался голос человеческий. Вот пробирается татарский отряд на Украину. Всадники молча, медленно и осторожно продвигаются вперед. Каждый из них имеет запасных лошадей. Приближаясь к русским поселениям, отряд разделяется на четыре части: первая из них направляется на север, вторая – на юг, третья – на восток, четвертая – на запад; отъехав на некоторое расстояние, каждый отряд разбивается на три группы и разъезжается в три разные стороны; затем каждая группа снова распадается на три шайки. Все это делается с той целью, чтобы быстро осмотреть местность и затем напасть врасплох на врага. Сделав свое дело, высмотрев местность, каждая шайка возвращается в условленное место и весь отряд выжидает удобного времени для нападения. Стремительно, с диким криком набрасываются татары на намеченные села, захватывают скот, имущество, людей и быстро бросаются в обратный путь. И степь умолкает. Притоптанная трава подымается, и трудно отыскать даже след недавнего набега. Татары составляли одну стихию со степью, и, чтобы успешно бороться с ними, необходимо было создать своеобразную организацию, совершенно отличную от обычной военной организации того времени.

По мере того, как русско-польская колонизация подвигалась все далее и далее на юг, столкновения с этими степняками, естественно, должны были все более и более учащаться. С одной стороны, татары не хотели знать никакой границы; они привыкли свободно кочевать по всей необъятной степи; с другой, – близость добычи, близость украинских поселений, надвигавшихся все ближе и ближе к их кочевьям, соблазняла и возбуждала татарскую удаль. В XV веке наиболее значительные набеги отмечены летописью под годами: 1416, 1447, 1452, 1453, 1457, 1462, 1469; в XVI веке – под годами 1516, 1532, 1537, 1538, 1550, 1558, 1566, 1593. Вообще же не проходило года, чтобы татарские загоны не появлялись в той или другой местности и не подвергали страну опустошению. В годы больших набегов татары творили, как выражается летопись, “многия пакости”. Они уводили по пять, восемь, пятнадцать, а случалось, и свыше пятидесяти тысяч человек в неволю. После набега 1593 года в Луцком повете оставалось до 1601 года разрушенными 269 местечек и селений.

К тому же эти хищники, причинявшие страшный материальный урон, были нехристи, были тем врагом, против которого ополчилась и вся католическая Европа. Они находились в зависимости от Турции и представляли, можно сказать, ее передовые полчища. Непримируемая борьба с ними считалась святым делом. Как там, в Европе, так и здесь, в украинских степях, лицом к лицу стояло два мира: мир христианский и мир мусульманский. И последний, воодушевленный дикой отвагой, с обнаженным мечом грозил покорить под власть Ислама неверных гяуров. Долго длилась эта борьба, больших жертв стоила она христианским народам. На долю нашей Украины выпала самая неблагоприятная роль. Главная арена борьбы нахо-

дидась в Средней Европе: там были громкие победы и громкие поражения; там – герои, признанные историей и увенчанные лаврами. Что же касается Украины, то одно только небо да молчаливая степь со своими курганами были свидетелями ежедневной неустанной борьбы, которую выдерживали здесь наши предки. Серенькая, негромкая, неэффективная борьба эта требовала в действительности большей отваги, большего напряжения, чем шумные сражения громадных армий по ту сторону Карпатских гор. Но чего не сделали присяжные летописцы и историки, сделал сам народ. Он в своих думах воспел свою борьбу, свои страдания и победы, и эти думы останутся навеки лучшим памятником его былого героизма. Итак, мусульманский мир в лице степного хищника-татарина встретил должный отпор со стороны христианского мира в лице украинского казака, который долгое время вел, можно сказать, один борьбу с врагом и удерживал его натиск на Польшу, пока объединившаяся Русь не завладела самым его гнездом – Крымом.

Безлюдная степь со своим громадным простором, темно-синим небом и палящим солнцем, беззащитная граница; беспокойный враг – наездник, словно саранча налетавший на села и города; вера, делавшая борьбу упорной и придававшая ей возвышенный характер; наконец, отсутствие каких-либо систематических мероприятий со стороны Речи Посполитой для защиты степной границы, – вот условия, благодаря которым зарождается и развивается казачество. Далеко не сразу казачество нашло свой центр и приняло сколько-нибудь организованный вид. Сначала это были, вероятно, бродячие, случайно собиравшиеся ватаги удалцов, которые отваживались преследовать татар в безлюдной степи до самого их жилья. Боевая наездническая жизнь не располагала к земледельческому труду, а просторная, богатая роскошной растительностью степь манила каждого, кому только посчастливилось с добычей возвратиться назад. Там, в степи, можно было заняться скотоводством, звероловством, рыболовством в низовьях Днепра, наконец торговлей, – так как там же проходил путь из Турции и вообще побережья Черного моря в Московию и Польшу. И лихой наездник при известных обстоятельствах становился пастухом, рыболовом, торговцем и т. п. Эти своевольные ватаги на время своих предприятий составляли кош² и выбирали себе атамана, которому подчинялись безусловно.

Таким образом, среди пограничного украинского населения вошло в обыкновение *ходить в казаки*. Этой повадкой пользовались, между прочим, и старосты сторожевых королевских замков, а также приграничные магнаты. Они сзывали к себе охотников показывать, нередко становились сами во главе ватаги и ударяли на врага. В начале XVI столетия мы встречаем уже прямые указания летописцев на таких предводителей и устроителей казачества: это были – хмельницкий староста Ляндскоронский, черкасский и каневский староста Дашкевич и позднее Дмитрий Вишневецкий. Средоточием казачества становятся Черкассы, древнейший город южной Руси, и Канев. Все эти предводители принадлежали к людям “метным” (знатным), как выразился московский царь по поводу Дашкевича. Они поняли, какую службу могут сослужить казаки Польше в ее естественном движении на юг, к Черному морю, и обращались к правительству с предложением дать казачеству постоянную организацию; польский сейм одобрял сначала эти планы, проектировал устройство рыцарской школы за днепровскими порогами, но дальше разговоров дело не шло. Может быть, его пугало слишком независимое положение этих “метных” пограничников. Они позволяли себе свободно переходить со службы польскому королю на службу к московскому царю и даже турецкому султану. С другой стороны, казаки затевали свои набеги на татар, даже в Турцию, иногда совсем не вовремя для польского правительства: поляки заключают *вечный мир*, а казаки не унимаются и громят не только татарские кочевья, но и причерноморские города, нахо-

² Кош – “всякое временное помещение в пустом месте или на дороге, отдельная кибитка, лагерь, остановите, сборное место”

дившиеся тогда во власти турок. Польское правительство не только не обнаруживало никакой охоты воспользоваться этим непреодолимым стремлением народа к казачеству в своих государственных интересах, но даже всячески старалось затормозить его. Но невозможно приостановить образование пара, если вы будете постоянно подбрасывать дрова под котел с водою. Панский гнет постепенно подвигался из внутренних областей на Украину; религиозная рознь между католиками и православными обострялась; русская национальность, представителями которой оставались крестьяне да духовенство с мещанами, попиралась. В ответ на все это народ все большими и большими массами уходил в казаки, рассыпался по степи, спускался к низовью Днепра и вел здесь кочевую, полуоседлую жизнь, в вечной тревоге за само свое существование, но зато, во всяком случае, вел жизнь вольную. Скоро само собой возникло и средоточие, центр этой вольной жизни. Чего не хотели сделать польские короли, сделал сам народ. Он устроил пониже днепровских порогов свою *Сечь Запорожскую*. “Сич – маты, а Великий Луг – батько, – говорили запорожцы, – там следует жить, там следует и умирать”. Действительно, Запорожская Сечь, свободно созданная самим народом и не регламентированная никаким внешним правительственным законом, была колыбелью, в которой вырастала казацкая свобода, казацкая сила и казацкая слава. Без Запорожской Сечи трудно себе представить эти постоянные восстания, эту кровопролитную вековую борьбу; и положительно невозможно представить торжество разьединенного, угнетенного, лишенного своих лучших культурных сил народа над государством, хоть и повинном во всех смертных грехах шляхетского своеволия, но вместе с тем еще достаточно сильного, чтобы одерживать победы над внешним врагом. Вначале Сечь Запорожская служила, однако, для совершенно иной цели. Когда, собственно, возникла первая Сечь и как образовалась она, мы не знаем. Но кем бы ни пополнялась Сечь и по каким бы мотивам люди ни шли сюда, несомненно, что она представляла самый передовой оплот христианского земледельческого населения против мусульманских кочевых народов. Пока русский народ не вступил в смертельную борьбу с польской шляхтой, Сечь служила главным образом центром народной самозащиты от хищника “бусурманской” веры. Это был в своем роде монашеский орден, какой могло создать при данных условиях места и времени крестьянство во всей своей грубой непосредственности.

На Запорожье свободно мог приходиться всякий, даже “бусурманин”; здесь никто не спрашивал у него документов; но, вступая в товарищество, всякий давал обет воевать за христианскую веру и биться против ее врагов. В этом отношении характерно обычное воззвание, с каким казаки обращались к народу, затеявая поход против татар или турок. “Кто хочет за христианскую веру быть посаженным на кол, – зывали они, – кто хочет быть четвертован, колесован, кто готов принять всякие муки за святой крест, кто не боится смерти, приставай к нам!” Тут дело шло не о “панстве великом” и не о “лакомстве несчастном”, как говорится в одной украинской народной думе, а о самой смерти. От желавших поступить в товарищество не требовали никаких вкладов, никакого имущества; все это была в подавляющей массе настоящая голь; недвижимая собственность не признавалась вовсе, движимую же (каковую составляло награбленное добро, а позднее – скот у тех, кто проживал в так называемых паланках) каждый распоряжался по своему усмотрению. В товарищество поступали и холостые, и женатые, но никому под страхом смертной казни не позволялось приводить женщин на Сечь; здесь соблюдалось полное целомудрие: за блуд жестоко наказывали палочными ударами. Воровство также преследовалось беспощадно: “За едино путо вешают на древе”. Самое бесчеловечное насилие и разбой дозволялись на войне, но за нападения на мирные христианские поселения карали смертной казнью. Жили сечевые запорожцы в куренях, длинных казармах, выстроенных из дерева. “Вот тобі и домовина”, – говорил куренной атаман новичку, отводя ему место в три аршина длины и два аршина ширины. Каждый курень имел своего кашевара, и трапеза совершалась за общим столом. Пища была самая

простая: соломаха, тетеря и щерба (ржаная мука, вода и рыба в различных соединениях) – вот и все обычные деликатесы их стола. Зато разного рода “пьяные напитки” выпивались в изрядном количестве, в особенности после удачных походов. Все внутренние распорядки покоились на общинном начале “товариства”. На общей раде, вече, каждый запорожец имел одинаковый голос; здесь соблюдалось полнейшее равенство между всеми, начиная с сечевой “старшины” и кончая простой “сироматней”. Все важнейшие вопросы решались радой, она же выбирала начальников: кошевого атамана, полкового писаря, есаулов и так далее. Во всех случаях строго проводилось подчинение избранным лицам; но эти последние, не исключая и кошевого атамана, во-первых, действовали на виду всего товарищества, а во-вторых, должны были отдавать отчет по окончании своих полномочий. С течением времени жизнь Запорожской Сечи развивалась, усложнялась, – развивался и ее правительственный механизм. Здесь мы отметили только существенные черты, которые обнаружились на первых же порах. Кроме собственно Сечи, многие казаки, принадлежавшие к “славному войску запорожскому”, жили по хуторам на землях, входивших в состав войсковых вольностей. Здесь они могли вести уже семейную жизнь и заниматься земледельческим хозяйством. Территория же, принадлежавшая войску запорожскому в позднейшую эпоху (при Екатерине), занимала всю теперешнюю Екатеринославскую губернию, три примыкающих уезда Херсонской, часть Днепровского уезда – Таврической и часть Изюмского – Харьковской губерний. Как видите, это было целое маленькое государство, казацкая республика, первоначальную ячейку которого составляло нечто вроде монашеского ордена, – государство, предпринимавшее на свой страх войны и дружившее, с кем хотело: с Польшею, Московиею, Туречиной. Кулиш следующим образом характеризует общий склад запорожского товарищества:

“Мрачное чувство отчуждения от света и обычных утех сказывалось в запорожском быту. Запорожская веселость, которую низовые братчики гордились и хвалились, которую вменяли молодежи своей в обязанность, была веселость трагическая, происходящая от разочарования в жизни, и постоянно сопровождалась ирониею или сарказмом в знак презрения к ее обманчивым благам. Опасность висела у запорожца над головой каждую минуту, жизнь его была крайне необеспечена, и отсюда равнодушие к смерти, которым запорожские казаки постоянно удивляли своих наблюдателей. В основе сечевого братства лежал своего рода аскетизм. Он выражался, главным образом, в готовности к смерти, в спартанском перенесении физических страданий, в совершенном равнодушии ко всему, чем дорожит человек в быту обыкновенном”.

Запорожская Сечь несколько раз меняла свое место после неудачной попытки Вишневецкого устроить ее на острове Хортице, но всегда располагалась ниже днепровских порогов. Сечь составляла центр, куда уходили люди, почему-либо вынужденные покинуть свои отцовские “грунты”. Но, кроме Запорожья, масса казаков проживала на Украине, в нынешних Киевской, Полтавской губерниях и южной части Подольской.

Стефан Баторий (1575 – 1586 гг.), вступив на польский престол, обратил серьезное внимание на казачество, уже сильно развившееся к тому времени и не хотевшее признавать никаких польских властей. Но время было упущено, чтобы совладать с казаками и заставить их служить на пользу польской народности: во-первых, их было много, во-вторых, они привыкли уже к свободе. Баторий попробовал применить известное правило: разъединяй и властвуй. Он предписал составить реестр казакам и определил число их всего только в шесть тысяч; их гетману Федору Богданке он послал в знак своей благосклонности бунчук, булаву, знамя, войсковую печать и утверждение как гетмана, так и старшин. Все же остальные казаки должны были мало-помалу обратиться опять в хлопов. Но этот маневр не удался. Признанные казаки, в лице своего гетмана, благодарили за присланные подарки, но продолжали держаться независимо и не признавали над собой начальства польского командующего. Без разрешения короля они отправились под предводительством Подковы на

войну с турками и овладели Молдавией, находившиеся в вассальной зависимости от Турции. Султан требовал, чтобы король унял своих казаков. Но польский коронный гетман не в состоянии был сделать это. Наконец уговорили Подкову ехать к королю и оправдать свои действия, причем ему гарантировалась безопасность. Однако король не принял его, а велел заковать в оковы и затем казнить. Казаки не могли примириться с таким вероломством и готовы были воспользоваться первым случаем, чтобы отомстить полякам. Таким образом, взаимная вражда разгоралась. Преемник Батория, Сигизмунд III (1587 – 1632), еще круче взялся за стеснение казацких вольностей. Так как мещане и хлопы продолжали уходить в казаки, то постановлено было завести особых урядников, которые наблюдали бы, чтобы никто не бегал на Сечь и вообще в понизовье Днепра, и с целью пресечения таких попыток построить на Днепре городок. Запрещалось продавать простому народу оружие и всякие военные припасы: порох, селитру и тому подобное. Наконец, отменялось казацкое выборное начало: казаки должны были находиться под властью коронного гетмана, назначаемого королем, а коронный гетман назначает уже по своему усмотрению казацкую старшину. Все это можно было проделать с реестровыми казаками, но как было совладать с той массой непризнанного казачества, которая, в свою очередь, не хотела признавать никаких распоряжений короля, отвечала на них восстаниями и к которой, однако, неудержимо тянулся весь народ?

Мы знаем, как усиливался постепенно экономический гнет в Южной и Юго-Западной Руси, как русские дворяне переродились в польских магнатов и шляхтичей, а народ – в хлопков, как стеснялась свобода того многочисленного класса, который не превращался ни в шляхту, ни в хлопство и, оставаясь самобытным, готов был всякую минуту отстаивать свою независимость с оружием в руках. Наряду с этими причинами, вызывавшими непримиримую вражду между Русью и Польшею, следует поставить еще одну: посягательство на совесть, это одно из возмутительнейших проявлений насилия. Поляки, разжигаемые иезуитами, хотели всех русских сделать католиками, с каковой целью задумали устроить церковную унию. Русское дворянство противилось ей, но оно было уже ослаблено переходами знатнейших фамилии в католичество. Православное духовенство находилось в дезорганизованном состоянии. Король пользовался неограниченным правом раздавать епископии и монастыри. Эти места расхватывали обыкновенно шляхтичи знатных фамилий, преследуя одни материальные интересы. Иногда на одно и то же место оказывалось несколько претендентов, и они вступали между собою в открытый бой. Ничего нет странного, что такие епископы распоряжались церковным имуществом как своей собственностью, отдавали его в приданое за дочерьми и так далее; они не прочь были заняться даже грабежом, делали наезды на шляхтичей, оказывали вооруженное сопротивление предписаниям короля. Интересы же православия и народа для них были делом последним. Польские магнаты и польские прелаты могли в своей католической ревности доходить до геркулесовых столбов. Так, луцкий староста Симашко приказывает брать “мыто” за вход в соборную церковь с духовенства и народа, по грошу и по два гроша с человека, или даже вовсе не пускать в церковь; в страстную субботу и святое воскресенье он устраивает в притворах церкви танцы и иные игры, а гайдукам своим приказывает стрелять в церковный купол и крест. Жалобы епископа оставались без последствий. Ему прямо дают почувствовать, что надо принять унию, – и тогда все преследования прекратятся. Нужно было обладать ясной совестью и сильной волей, чтобы упорствовать при таких условиях. Наконец, высшие православные иерархи – Тарлецкий, Потей и другие – учинили, хотя и фальсифицированную, унию. В 1594 году епископ Луцкий со всем соборным духовенством внес в городские акты документ, в котором, между прочим, говорится:

“По воле и промыслению Бога, в Троице ставимого, и по усердному старанию и побуждению короля, его милости, пана нашего милостивого Сигизмунда III, и их милостей

панов сенаторов, духовных и светских, совершилось давно желанное соединение и восстановилась братская любовь между двумя церквями, восточной и западной, с признанием святейшего папы римского верховным пастырем и наместником апостольским”.

А в 1595 году Сигизмунд III издал манифест. Из него явствует не только религиозное, но и политическое значение унии как действительного средства для слияния двух народов.

“Наше величайшее желание, – говорит король, – состоит в том, чтобы мы могли пребывать со своими подданными в единой вселенской церкви, под одним истинным пастырем, чтобы славить Бога едиными устами и единым сердцем, чтобы, пребывая в таком соединении, по долгу христианства водворять в народах одной и нераздельной Речи Посполитой согласие, единство и любовь, эти верховные и общие блага, и чтобы тем *сохранить и укрепить целостность государственного союза*”.

Весть об унии вызвала всеобщий ропот и негодование среди русских. Поместные дворяне, придерживавшиеся еще православия, отправляя на генеральный сейм (1596 года) депутатов, поручили им просить короля, чтобы епископы, отступившие от православной веры, были лишены сана и на место их назначены новые. Оппозиция, как видим, весьма скромная. Во главе ее становится князь Константин Острожский. Но король отверг эту просьбу. Тогда русские депутаты написали протест, в котором изложили притеснения и обиды, претерпеваемые русским православным народом. Сейм не допустил чтения этого протеста. Польская конституция делала возможным еще один выход. Протесты и просьбы были занесены в акты книги, с них сняты копии и разосланы по воеводствам. Таким образом, депутаты представляли дело на усмотрение всего народа. Это было нечто вроде обращения к народу, в котором происходило уже сильное брожение и даже открытое возмущение. Сигизмунд не отступал от своего “душеспасительного” дела и еще настойчивее стал стремиться к осуществлению унии. Он велел митрополиту Киевскому Михаилу Рогозе созвать немедленно собор в Бресте и решить окончательно всеобщее присоединение. К участию на этот собор были допущены все подданные православного исповедания. Съехалось множество духовных и светских лиц. Собор разбился на две партии: сторонников православия и сторонников унии. Каждая из них заседала отдельно и постановила прямо противоположные решения. Православные лишили митрополита и епископов, изменивших православия, сана и власти, постановили просить короля не делать насилия над русским народом, опубликовать декрет о низложении принявших унию иереев и предложить повитовым сеймам отправить на общий сейм и к королю депутатов все с теми же просьбами. Сторонники же унии торжественно признали соединение церковей под верховенством папы, лишили сана епископов, не признавших унии, и проклинали их и их сообщников.

Дворянство больше шумело; да едва ли оно, уже в значительной степени распропагандированное иезуитами, и могло оказать какое-нибудь более решительное противодействие. Духовенство распалось надвое: низшее хотя и крепко стояло за православие, но не имело силы, а высшее больше тянуло к унии. Городское сословие в политическом отношении было бессильно. В своих местных делах оно пользовалось самоуправлением. Но вопрос об унии был вопросом общегосударственным, и, конечно, у мещан не спросили, желают ли они принять ее. Однако как люди, всецело приверженные еще религии своих отцов, они не могли пассивно отнестись к насилию над своею религиозною совестью. Все, что они могли сделать, не выходя из своего круга, – это блюсти православие в своем приходе, наблюдать за духовными пастырями, отражать всякие вылазки со стороны униатов или католиков, пытавшихся при случае насильно завладеть церковным имуществом, открывать православные школы и так далее. Братства – например, львовское, виленское и другие – представляли именно такие общины, при посредстве которых мещане выступали на защиту своих религиозных интересов. Однако, как бы ни было существенно значение этих братств, в борьбе русского народа с шляхетско-католическим миром главная роль принадлежит не им. Религиозные гонения

и притеснения только разожгли новым светом ту борьбу, которую казаки и простой народ, превращавшийся в минуты восстания в казаков, вели со шляхтою и целой Речью Посполитой вследствие стеснения прежних вольностей и экономического угнетения. Отдельные вспышки недовольства, отчаянные взрывы негодования, страшная месть, насилие за насилие, изуверство за изуверство, – все это благодаря религиозному элементу получало, во-первых, всеобщий, а во-вторых, – более возвышенный характер. Религиозные притеснения подсушили отсыревший порох экономического недовольства, и Украина запылала от Львова и Люблина до побережий Псла и Ворсклы. Об этих отдельных вспышках, первое проявление которых почти совпадает с провозглашением церковной унии и которые послужили как бы подготовительной школой к великому восстанию при Хмельницком, нам необходимо упомянуть хотя бы самым беглым образом.

Восстания против панов чередовались с отважными морскими походами против турок и разгромом побережных турецких городов. Словно какой-то неукротимый дух овладел народом и неотступно требовал кровавых разрушительных дел. В 1593 году во главе восстания становится шляхтич *Косинский*. К нему стекаются толпы казаков и хлопов из Киевского, Брацлавского и Волынского воеводств. Он разоряет панские имения; при этом обязательно захватывает всякие документы, “привилегии и мемвроны” и предает их огню. “Какие документы, – говорили мятежники, – земля – наша! Мы отстаивали ее от орды, нам она и принадлежит!” Косинский погиб. В предупреждении подобных вспышек сейм принял ряд стеснительных мер. Самовольные сборища, “купы”, производящие бесчинства, были объявлены вне закона, и каждый имел право, не дожидаясь никакого разрешения, уничтожать их собственными усилиями, а также ловить беглых хлопов и приневоливать их к труду, пока не отыщется владелец. В 1596 году во главе восстания становятся *Лобода* и *Наливайко*. К восстанию этому имел, по-видимому, какое-то отношение и князь Острожский, защитник православия. Наливайко, красавец и храбрец, душа восстания, громит и грабит преимущественно двух поборников унии, Кирилла Тарлецкого и Симашко, и находит безопасный приют во владениях упомянутого князя, у которого брат его служил в качестве домашнего священника. Наливайко заставила взяться за оружие личная обида: магнат Калиновский отнял землю у его отца и избил последнего так, что тот умер от побоев. “А ведь он у меня *один* был! – восклицает Наливайко в оправдательном письме к королю. – Один! И паны отняли его! Кто может возратить сыну отца! Или паны не понимают, что подобные преступления не прощаются~” Когда и это восстание было подавлено, масса казаков и хлопов устремила на Запорожье и отсюда предпринимала дерзкие походы против турок и татар, ходила “заживать, – как говорилось тогда, – рыцарской славы”. Походами против турок в особенности прославился знаменитый казачий предводитель и весьма крупная личность – Петр *Конашевич-Сагайдачный*. При нем казаки отваживались переплывать Черное море, нападали на побережные города Малой Азии, появлялись в окрестностях самой столицы и “окуривали мушкатным дымом” твердыню мусульманского владычества в Европе. Поляки ничего не могли поделать с ними. Они ограничивали число реестровых казаков, низводили его всего до одной тысячи; но все эти ограничения оставались на бумаге. Наконец, в критическую минуту во время войны с Москвою сам король вынужден был обратиться за помощью к казакам, и двадцатитысячное казачье войско под предводительством Сагайдачного спасло королевича Владислава от неминуемой гибели под Можайском. Сагайдачный весьма умело воспользовался этой услугой. Правда, он удерживал казаков от восстания против панства, но в то же время упорядочил их внутренний быт, отстаивал их независимость от польских властей, значительно увеличил их численность и, что в особенности важно, восстановил православную иерархию, воспользовавшись проездом через Киев иерусалимского патриарха, который посвятил в сан киевского митрополита Иова Борецкого; таким образом, русское духовенство получило снова независимую организацию и могло вступить в борьбу

с римско-католической пропагандой. Эти мирные успехи привели к тому, что в 1625 году казаки выступили перед сеймом с довольно смелыми требованиями относительно обеспечения древней православной веры, казацких вольностей и тому подобного. Поляки послали против них войско и принудили их подписать Кураковский договор на урочище Медвежьи Лозы, в силу которого число реестровых казаков снова низводилось до шести тысяч; им запрещалось ходить на море, заключать договоры с соседними державами, вмешиваться в дела, не относящиеся к войску; дозволялось жить в панских имениях только с согласия владельца; войско ставилось снова под власть гетмана, утверждаемого королем. Исключенные из реестра (“выписчики”) не могли примириться с таким договором. Они по-прежнему предпринимали морские походы и в 1630 году подняли восстание под предводительством *Тараса Федоровича*, но реестровые казаки, по-видимому, не поддержали его; он попал в руки врагам и был казнен. В 1632 году умер король, и казаки посылали послов на сейм; они заявляли свое желание видеть на польском престоле королевича Владислава. “Всем известно, – говорили они, – что мы в царствование покойного короля терпели большие несправедливости, неслыханные оскорбления и находились в великом огорчении оттого, что униаты вступают в наши права и вольности, пользуясь покровительством некоторых знатных особ, причиняют много утеснений нам, казакам, и всему русскому народу”. Изложив свои требования относительно “обеспечения веры”, они заканчивают так: “Если же, сохрани Боже, случилось бы иначе, то мы принуждены будем искать других мер удовлетворения, а мы того не желаем~” Домогательство казаков участвовать в выборе короля было встречено панами крайне недружелюбно. “Одному только шляхетскому сословию Речи Посполитой, – отвечали они, – принадлежит право избрания короля; что же касается греческой религии, то паны сенаторы сумеют найти верные средства, ведущие к успокоению недоразумению и к удовлетворению последователь греческой религии”. Казакам не понравился такой ответ. “Как ни прискорбно для нас, – говорят они на следующем сейме, – то обстоятельство, что нас удаляют от избирательства, но еще прискорбнее, что вот уже более тридцати лет каждый сейм молим и слезно просим об успокоении нашей древней греческой церкви; ~но нас водили, откладывали решение дела от сейма до сейма~ Теперь мы поручаем нашим послам слезно просить Речь Посполитую и усиленно домогаться, чтобы наш русский народ оставался при своих правах и свободе~”. Затем они жаловались на разные нарушения казацких прав и требовали восстановления их. Между тем поляки, чтобы удержать казаков от морских походов, выстроили на Днепре небольшую крепость Кодак. Некто *Сулима*, возвращаясь в 1635 году из похода, напал на нее и уничтожил весь гарнизон. Вспыхнуло восстание. К Сулиме стекались толпы выписчиков и хлопов, но реестровые казаки не поддержали восставших. Они хитростью проникли в табор Сулимы, схватили его и выдали полякам. Их похвалили за верность – и только. Казаки снова и снова посылали послов на сейм, заявляли свои неудовольствия и требования; паны снаряжали комиссии, вели переговоры, стращали их мечом. Тем временем выискался новый предводитель. В 1637 году Карп Павлович Гудзан, известный под именем *Павлюк*, возвратившись из похода против татар и узнав, что делается на Украине, напал на Черкассы, главный центр реестрового казачества, захватил пушки и перевез их на Запорожье. Затем он обратился к народу с воззванием, в котором приглашал всех идти в казаки. Скоро на его сторону стали переходить и реестровые полки. Восстание разгорелось по обе стороны Днепра. На мирные предложения панов казаки отвечали, что они “уже не позволят более выписывать себя, уменьшать свое сословие да дурачить себя комиссиями”. Однако под Кумейками, а затем Боровицею они были жестоко разбиты. В казацком лагере обнаружился роковой разлад, реестровые принесли повинную и выдали полякам предводителей Павлюка и Томиленка; другие успели бежать. Потоцкий, коронный гетман, нещадно казнил попавшихся ему в руки казаков и кричал: “Теперь я сделаю из вас восковых!” Сейм порешил лишить казаков разных привилегий, дарованных прежними королями, а со временем уничтожить даже

самое их существование. Но бежавшие *Острянин*, *Скидан* и *Гуня* снова собрали разбитые и разогнанные толпы народа и в следующем же 1638 году восстание вспыхнуло с новой силой в левобережной Украине. Здесь, под Голтвоею, Лубнами и в особенности в устье Старицы, казаки с замечательным упорством и отвагой отражали нападения поляков, но, лишённые возможности перейти в наступление и обессиленные голодом, принуждены были сдаться на усмотрение победителей. Несколько месяцев спустя казацкая рада собралась на урочище Маслов Став слушать решение короля и Речи Посполитой. Казаки не смели просить теперь о вольностях и привилегиях. Благо, если победители оставят им жизнь и имущество. Так и случилось. Паны лишили их прежних прав и даже права иметь выборную старшину. Они старались низвести казаков до почти хлопского состояния. “Ни чести им (казакам), ни славы не было, – говорит украинский летописец, – беда их сталась хуже турецкой неволи, полковники и все старшины-шляхтичи обращались с ними как с рабами, приказывали топить себе печи, ходить за лошадьми и собаками, чистить дворы их~”

Прошло десять лет, прежде чем народ собрался снова с силами и появился новый вождь, на этот раз не только *отважный*, но и достаточно *способный* для того, чтобы сплотить все народные силы и воспользоваться всеми благоприятными обстоятельствами в интересах освобождения южнорусского народа из польско-шляхетской неволи~

Глава II. Казацкий батько – Богдан Хмельницкий

Памятник Хмельницкому в Киеве. – Происхождение Хмельницкого. – Его отец. – Воспитание. – Под Цецорою. – В плену. – На родине. – Сношения Владислава с казаками. – Похищение королевской привилегии. – Женищина. – Наезд Чаплинского. – Тяжба с Чаплинским. – На законном основании. – Конец колебаниям. – Личные чувства: женитьба Тимоша; гибель Тимоша. – Наследственное гетманство. – Дипломатичность

На Софийской площади в Киеве гарцует медный всадник. На крепкой небольшой лошади восседает чья-то мощная фигура с протянутой на восток рукой. В глазах и чертах лица всадника, несмотря на всю тяжесть меди, просвечивают решительность, непреклонность, суровость, граничащая даже с жестокостью; вообще от всей фигуры веет дикой, неукротимой силой. Толпы богомольцев проходят мимо всадника, останавливаются с удивлением, осматривают памятник со всех сторон и идут дальше. Ни мысли, ни чувства, которые показывали бы, что между этим медным всадником и живой толпой народа сохраняется какая-нибудь связь. Народной массе, по-видимому, стал совершенно чуждым герой ее кровавой борьбы. Что ей гетман Богдан Хмельницкий, когда он, народ, точно сквозь сон вспоминает о самой вековой борьбе, о деле, за которое он пролил реки крови? Правда, изредка вы можете еще услышать из уст стариков сказания о давно минувших делах, вам пропоют какую-нибудь историческую думу, исполненную глубокого смысла и трогательной прелестью; но, повторяю, народ в массе втянулся в новую жизнь и поглощен новыми интересами; возвращение же к старине сознательным путем, возникновение той новизны, в которой, по меткому выражению старообрядцев, слышалась бы давняя старина, – это еще дело будущего. И памятник Богдану Хмельницкому, эта грандиозная эмблема казачества, поставленная на виду у всех, будет, несомненно, содействовать пробуждению такого сознания.

Богдан Хмельницкий был сыном своего народа и своего времени. Он происходил из неизвестной казацкой семьи, правда, несколько уже поднявшейся из рядового казачества, так как отец его, Михаил Хмельницкий, был чигиринским сотником, то есть принадлежал к казацкой “старшине”; но, во-первых, сотники составляли самый низший ранг старшины, и во-вторых, в те времена старшина очень мало чем отличалась от рядового казачества. Существуют, впрочем, свидетельства, что более отдаленные предки его принадлежали к шляхетскому сословию. Мы не можем, конечно, придавать значения позднейшим измышлениям о происхождении Хмельницкого от молдавского рода Богданов, властвовавших в Молдавии в XV веке, и т. п. При добром желании нетрудно вывести какую угодно генеалогию. Мы, понятно, говорим только о том, что достоверно известно. Безвестность происхождения Богдана настолько велика, что мы не знаем ни года его рождения, ни матери, ни детства. Там, в неизвестной народной среде и неизвестной местности, на далекой окраине, на границе беспредельной степи, среди вечных тревог и опасностей, родился и вырос будущий герой кровавой казацкой эпопеи. Отец его, как мы сказали, был чигиринским сотником; он владел хутором Суботовым, подаренным ему за военные заслуги. У сотника, очевидно, был уже некоторый материальный достаток и некоторая культурность. Сын его, Богдан, получил довольно порядочное по тому времени образование, сначала в киевской братской школе, а затем, по словам польских историков, в иезуитской коллегии в Ярославле (Галицком). Он владел польским и латинским языками, а со временем научился турецкому и, говорят, даже французскому языку. Мы не знаем, какую пользу извлек Богдан из знания латинского и французского языков для своего ума и сердца. В период же его десятилетнего руководства казацким восстанием мы видим большой природный ум и не замечаем почти никаких следов этой внешней образованности. Для того чтобы быть народным вождем, требуется нечто гораздо посуще-

ственное латыни и каких угодно языков, и что в этом отношении дала школа Богдану, и дала ли что, мы совершенно не знаем.

В первый раз мы слышим о Хмельницком как участнике польско-турецкой войны (1620 – 1621 годы). Вероятно, Богдан был тогда еще юношей. Он отправился в поход вместе со своим отцом. Здесь он знакомится с военным делом под руководством знаменитого польского полководца Жолкевского; знакомится с искусством отступления по труднопроходимым местам, перерезанным болотистыми балками и байраками, искусством составлять подвижной табор из повозок и т. д. Кроме того, здесь “~он видел впервые, – говорит историк Кулиш, – как мало солидарны между собою паны, из которых каждый смотрел венценосцем. Он видел впервые, к чему способен казак, питающийся саламатою. Он видел в первый и, конечно, в последний раз, как много может делать один человек, употребивший 44 года на то, чтобы, по его собственному выражению, держать на своих плечах всю Речь Посполитую”. Поход окончился страшным поражением поляков под Цецорою, где был убит сам гетман и Михаил Хмельницкий, а Богдан вместе со многими польскими магнатами и шляхтичами взят в плен. Пленников, кого познатнее, турки посадили в башню в ожидании выкупа, а остальных, по обычаям того времени, вывели на рынок и продали в рабство. Богдан попал к какому-то богатому турку, у которого пробыл около двух лет. Как он жил в неволе, достоверных сведений, к сожалению, не сохранилось. Несомненно, что за это время он успел хорошо ознакомиться с турецкими обычаями и нравами, изучил турецкий язык, но, по-видимому, не испытал той тяжелой бусурманской неволи, которая оплакивается в народных думах “Невольничий плач”, “Про Кишку Самийла” и других. Выкупился ли Богдан или бежал из неволи, остается неизвестным. Неизвестна также и его жизнь по возвращении. Существуют указания, что он принимал участие в морских походах запорожцев на турецкие города. Упоминается также об его участии в войне Владислава с Москвою. Но, во всяком случае, он, по-видимому, не принимал особенно деятельного участия в народных восстаниях против польской шляхты, которые следовали одно за другим, постоянно разрастаясь. Затем мы встречаем его снова на родине – в чине чигиринского сотника. Он унаследовал от отца хутор Суботов, женился на Анне Сомковне из Переяславля и занялся хозяйством. Это не значит, что он предался мирным занятиям. В тех пограничных областях каждую пядь обработанной земли приходилось прикрывать вооруженной рукой, и чигиринскому сотнику нередко, вероятно, случалось отражать татарские набеги и подстерегать врага в безлюдных степях. Как бы там ни было, Богдан не заботился о “карьере”, не искал покровительства магнатов и других шляхтичей. А он не был лишен талантов, которые могли бы выдвинуть его, и не принадлежал к хлопам, которым никакие небесные и земные силы не могли помочь в те времена подняться на общественные верхи. Нет, Богдану Хмельницкому не нужны были громкие дела, он не мечтал о подвигах, чтобы прославиться. Его манила скорее мирная жизнь. Все же у него был хутор, было сравнительно большое хозяйство, были стада скота и табуны лошадей. И он дорожил этим. Он не сочувствовал, конечно, панскому гнету и стеснению казаков. Поэтому мы и встречаем его в качестве депутата, отправляемого казаками с разными просьбами к королю или на сейм, – то в качестве войскового писаря, подписывающегося под решениями рады, то даже с оружием в руках – в рядах прочего реестрового казачества, увлеченного народным потоком в борьбу со шляхтой. Но все это были, так сказать, свои семейные раздоры. Польские паны ведь тоже устраивали нередко наезды одни на других, составляли конфедерации и т.п., и все это не мешало им, однако, признавать неделимость Речи Посполитой и нерушимость ее общественного строя. Чигиринский сотник, одним словом, не злоумышлял ни против королевской власти, ни против целости польского королевства, ни против шляхты. Он не прочь был показавать за счет татарвы, разгромить где-нибудь на море турецкие галеры, навести страх на самого падишаха. Всякое истинно казацкое сердце горело желанием померяться силами с бусурманином. Пусть только паны-шляхта не мешают

казакам в этом деле и пусть они не посягают на казацкие вольности. Казаки же, в свою очередь, готовы помогать панам держать в повиновении своевольных хлопов и всегда будут биться вместе с ними против бусурман, Москвы и кого бы то ни пришлось. И чигиринский сотник, просвещенный латынью и понимавший французскую речь, вероятно, менее всякого другого из казацкой старшины сочувствовал буйству черни. С годами воинственный пыл уходил, и спокойная жизнь в Суботове получала все большую цену. Для человека, которому перевалило за 45 лет, перспектива скитальческой жизни, исполненной жестоких лишений и неуверенности в завтрашнем дне, не могла особенно улыбаться. Богдан мирно встретил бы свою старость и умер бы безвестным сотником, если бы преследования со стороны польской шляхты не сделали для него лично невозможным дальнейшую жизнь в Суботове и не вынудили его бежать на Запорожье и искать защиты у сечевого товарищества. Было тут еще одно обстоятельство. Нельзя сказать, чтобы история вполне раскрыла его, но что оно было, это несомненно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.